

Рецензия на книгу**АТЛАС ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.**

Отв. ред. В.Н. Храмцов, Т.В. Ковалева, Н.Ю. Нацваладзе.

СПб., 2013. – 176 с., ил.¹

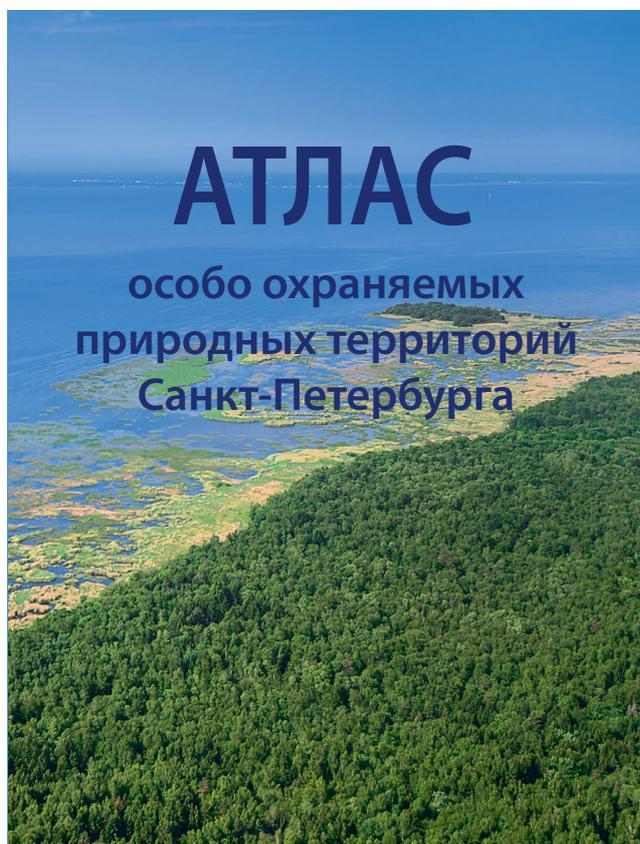
Санкт-Петербург – город с неповторимой экологической историей, созданный, казалось бы, «вопреки географии». Это «вопреки» потребовало немислимых объемов человеческого (в минувшие эпохи в основном ручного) труда, смелого мышления, экспериментаторства (ибо многое здесь сделано впервые) и недюжинного знания природы. Результат уникален: в речной псевдодельте северного (по средневропейским меркам) моря живет город – на островах и берегах речных рукавов, на террасах разного уровня, на глинте (уступе ордовикского плато) и камовых холмах; город, сохранивший в своих границах великолепные дворцовые и усадебные парки, массивы лесов и «окна» болот; город, по дачным окраинам которого можно изучать историю всей страны.

Безусловно, все это великолепие не обделено вниманием: природе Петербурга посвящены десятки книг и статей, но впервые перед нами Атлас – красочное широкоформатное издание, обобщающее материалы изучения особо охраняемых природных территорий (ООПТ), ибо совершенно очевидно, что такой труд невозможно «выдать на гора» по заказу – не будь у авторов многолетнего кропотливого опыта работы на ООПТ «северной столицы»...

Атлас содержит 13 физических, 28 тематических многокрасочных карт, 30 фрагментов исторических карт, множество фотографий, диаграмм и рисунков. Издание подготовлено солидным по численности и профессиональному уровню коллективом ландшафтоведов (Г.А. Исаченко, А.И. Резников), геоботаников (В.Н. Храмцов, Е.А. Волкова, Н.Ю. Нацваладзе, О.В. Галанина, М.А. Макарова, В.А. Смагин), ботаников-флористов (Н.Н. Цвелев, Г.Ю. Конечная, А.Ю. Доронина, Е.А. Глазкова, Л.Е. Курбатова, Е.Н. Андреева, А.Д. Потемкин, Д.Е. Гимельбрант, И.С. Степанчикова, О.А. Катаева, Л.А. Конорева, Н.А. Ковальчук), микологов (В.М. Коткова, О.В. Морозова, Е.С. Попов), почвоведов (Е.В. Кондратьева), зоологов (Н.П. Иовченко, Ю.Н. Бубличенко, В.М. Храбрый, А.Г. Бубличенко, К.Д. Мильто).

Сразу же отметим высочайший и современный уровень картографии: длительный (и болезненный для России) переход на ГИС-картографию наконец состоялся и дал свои плоды – перед нами печатное издание с яркими «многослойными» ГИС-произведениями, снабженными красочными (в том числе сложными, матричными) легендами, комплексными ландшафтно-геоботаническими профилями, старинными картами, фрагментами космоснимков и фото-вставками.

Атлас открывается очерком истории развития ООПТ, которая в Санкт-Петербурге начиналась с 1919 г. учреждением «заповедника местной природы» площадью 3 тыс. десятин. Многие в этой истории типично для всей страны: усилия природоохранников зачастую перечеркивались давлением инвесторов, в

результате которого застройка вторгалась в ареалы, где по совокупности соображений сохранение природы было бы предпочтительней. Однако, в отличие от Москвы (где созданный в последней четверти прошлого столетия «природный каркас» ныне в основном «разбирается» – и вот уже «вырезан» из Москворецкого парка Серебряный бор, воспетый В. Аксеновым в «Московской саге»), экологам Санкт-Петербурга удалось одержать ряд значимых побед именно в последнее десятилетие. Генеральный план развития города, принятый в 2005 г., учел предложения по компоновке экологического каркаса, разработанные Биологическим научно-исследовательским институтом Санкт-Петербургского государственного университета. В 2005 г. был принят также городской закон «О государственных природных заказниках и памятниках природы регионального значения Санкт-Петербурга», по которому государственному учреждению, осуществляющему управление ООПТ, было предоставлено право постоянного (бессрочного) пользования земельными участками в границах ООПТ. В 2009 и 2011 гг. создаются три новых природных заказника: «Северное побережье Невской губы» с мелководьями вдоль побережья, «Озеро Щучье» с частью крупнейшего лесного массива в пределах города и «Сестрорецкое болото» с уникальным болотным природным комплексом. С 2012 г. в сети ООПТ Санкт-Петербурга появились и островные территории – Елагин остров и западная часть острова Котлин.

¹ Свободно доступен в формате pdf на сайте <http://oopt.spb.ru/publications>

Следующий (также вводный) раздел Атласа посвящен характеристике природных компонентов территории: прежде всего геологического строения и рельефа. Именно уникальность «чаши» Приневской низины, открывающейся на Финский залив с уступами разнообразных по рельефу и отложениям террас, рассеянных радиальной сетью рек, определяет разнообразие природы города. В этом смысле авторы Атласа избрали вполне выигрышное решение, наложив общую схему границ ООПТ на «лаконичную» карту гипсометрических уровней территории с восемнадцатью (!) ступенями шкалы высот. Остальные разделы общего описания природы – о климате и поверхностных водах – несмотря на краткость, имеют содержательный и, что важнее, прикладной относительно главной темы издания характер, помогая читателю понять и ощутить уникальность природно-территориальных и природно-аквальных комплексов «псевдодельты» Невы.

Общая характеристика ландшафтов Санкт-Петербурга дана в ключе, который затем выдержан в пообъектных описаниях: авторы (Г.А. Исаченко, А.И. Резников) избегают упражнений по реконструкции «условно-коренных ландшафтов», а сразу представляют мозаику местоположений и все разнообразие современных состояний биоты в их пределах – прием, вполне адекватный ленинградской-петербургской школе российского ландшафтоведения. Результат прекрасно проиллюстрирован ландшафтной картой Санкт-Петербурга в масштабе 1 : 200 000, где в качестве отдельных классов выделены «местоположения на естественном субстрате незастроенные» и «ландшафты застроенной части и местоположения с антропогенным рельефом на насыпных грунтах», причем для последнего класса выбран матричный принцип построения легенды с двумя осями: тип рельефа и функциональный характер и плотность застройки. Данный подход определил алгоритм описания и картографирования отдельных объектов сети ООПТ.

Очерк природы включает описание растительности (Е.А. Волкова, В.Н. Храмцов), которое требует отдельного внимания. На наш взгляд, общий результат работы авторского коллектива во многом определен качеством и глубиной геоботанических изысканий на территории города. Мы с сожалением должны констатировать, что если флора Москвы также изучена достаточно основательно, то обобщений (на уровне ассоциаций и групп ассоциаций), соответствующих представленным в Атласе, обнаружить в столице невозможно, что самым радикальным образом сказывается на качестве управления и содержания ООПТ.

Общий очерк природы Санкт-Петербурга заканчивается описанием принципов составления различных тематических карт, и здесь инновационными являются методы, предложенные для характеристики динамики ландшафтов в целом, и растительного покрова в частности. Это позволило отразить эколого-динамические ряды растительных сообществ, и современные процессы в ландшафтах – характеристики, чрезвычайно важные для выработки как среднесрочной, так и текущей практики управления охраняемыми природными территориями.

Заявленные авторами принципы картографирования последовательно, содержательно и четко выдер-

жаны в характеристике отдельных ООПТ. Описание предваряется физической (общегеографической) картой с границами объекта, которая по сути представляет собой карту гипсометрических уровней с горизонталями, гидрографией и самыми общими чертами планировочной ситуации (дороги, дренажная сеть, торфоразработки, населенные пункты, застроенные участки). Далее следует крупномасштабный космический снимок, который дает самое общее впечатление о характере растительного покрова (лесные, луговые, болотные сообщества и т. п.) и антропогенной нагрузке в границах ООПТ и ее ближайших окрестностях (тип и характер застройки). Параллельно идут текстовые описания геологического строения территории, рельефа и поверхностных вод.

Отдельным и весьма ценным пунктом выступают разделы по истории освоения территории конкретных заказников и памятников природы (авторы Г.А. Исаченко и А.И. Резников), сопровождающиеся фрагментами исторических карт, приведенных приблизительно к одному масштабу, что позволяет читателю, сколько-нибудь сведущему в системах условных знаков российской картографии, судить о том, как формировался и менялся культурный ландшафт местности в пределах ООПТ. Разумеется, здесь авторам «повезло»: нет в России другого города, столь щедро наделенного картографическими источниками высочайшего (по историческим меркам) качества – и даже Москва с ее размежевками и «планами окрестностей», пожалуй, уступает в этом «северной Пальмире». Однако это преимущество надо было еще использовать, и авторам удалось сие в полной мере, поскольку позиции исторической географии в регионе всегда были сильны. Отметим в этой связи, что ландшафты Санкт-Петербурга и его окрестностей испытали ощутимое влияние не просто различных (и типичных для всей России) стадий освоения, но и «пережили» две войны в середине XX в., длившиеся в общей сложности более 5 лет и оставившие неизгладимые шрамы, сохраняющиеся до наших дней даже в рельефе. Кроме того, ландшафты большинства ООПТ формировались под влиянием разных культур и народов, поскольку в разные исторические периоды входили в состав то Швеции (XVII–XVIII вв.), то Финляндии (XIX – первая половина XX в.). Ландшафтные карты, выполненные по изложенным выше принципам, сопровождаются картами растительности с выделением основных типов растительных сообществ. Детальность карт весьма значительна: например, для природного заказника «Юнтоловский» выделено 69 типов растительных сообществ, объединенных в группы: хвойные леса, мелколиственные леса, черноольховые леса, кустарниковые заросли, болотная растительность, луговая растительность, прибрежно-водная и водная растительность, растительность на нарушенных субстратах и искусственных поверхностях. Для некоторых аквальных сообществ вместо контуров используются точечные знаки.

Ландшафтные и геоботанические карты дополняются «планами горизонтальной структуры растительного покрова», построенными для отдельных пробных площадок. Последние дают детальное представление о дифференциации микрогруппировок в пределах отдельных сообществ и их комплексов. Планы уникальны, поскольку позволяют судить

о вертикальной и горизонтальной структуре – вплоть до отдельных деревьев и синузид травяного, кустарничкового и кустарникового ярусов. На наш взгляд, авторам планов удалось решить важнейшую для практики проблему картографической репрезентации ландшафтно-геоботанической структуры на локальном уровне, ибо в принятых стандартах полевой съемки (например, наставлениях Мосгеотреста) этот уровень подменен канонами ландшафтной архитектуры, когда «сущности» произвольно дифференцируются съемщиками-дендрологами на «группы», «куртины», «массивы» «поросль», «солитеры» и т. д.

Полученный результат ценен и как научное достижение, и как основание для практики «назначения мероприятий». Если обратиться к практике обустройства ООПТ Москвы, то основным инструментом здесь выступают «проекты лесоустройства», при этом разделение территории ООПТ на выделы осуществляется лесными таксаторами, и очевидно, что это разделение тем менее эффективно, чем более ареал не похож на лес – то есть в пределах луговых, водно-болотных и вообще любых открытых и полуоткрытых ландшафтов. Сама «лесоводственная» традиция с ведомственными классификаторами и параметристикой описаний («целевая порода», «плотность» и «кубатура») очень мало адекватна сложнейшим процессам естественной, экореабилитационной и антропогенной динамики современных ландшафтов мегаполиса. В итоге после затраты огромных финансовых средств и усилий мы не имеем для Москвы *реальной картины* как структуры растительного покрова, так и ее динамики. Закономерно, что в Департаменте природопользования и охраны окружающей среды города Москвы в качестве ценнейших «биогеоценозов» могут числиться самосевные массивы ясеня пенсильванского на свалочных телах тридцатилетней давности, в кронах которых неистребимо господствуют галка и серая ворона. Это пространное рассуждение рецензент приводит только для демонстрации значимости и уникальности материалов, представленных в Атласе.

Отдельным и весьма содержательным видом иллюстраций служат прекрасные профили распределения растительных сообществ по рельефу и почвообразующим породам.

Карты современных процессов в ландшафтах для ООПТ – еще одно «ноу-хау» Атласа, которое на наш взгляд могло сложиться только в результате тесного и плодотворного сотрудничества представителей двух дисциплин, которые хотя и близки теоретически, но, к сожалению, организационно и институционально часто бывают разведены: ландшафтоведение и геоботаника. Выделение процессов различной направленности с наложением их на местоположения позволило разработать эффективную матрицу и создать оригинальные и не имеющие аналогов (по крайней мере для территории мегаполисов) карты. Среди отмеченных трендов есть очень интересные и показательные для северной части Европейской России в целом, например, вытеснение ельи сосны и березы по многим местоположениям, что свидетельствует о культурном происхождении больших площадей современных сосняков или березняков, которые были либо посажены искусственно (как многие послевоенные сосняки в окрестностях городов), либо подвергались селективной рубке, либо представляют

собой фазу сукцессионных смен (как многие березняки и осинники). Также важно для нас понимание процессов, происходящих на бывших торфяных выработках (как правило, верхового и переходного торфа), которые ныне после разрушения и деформации дренажных систем подвергаются вторичному заболачиванию и облесению.

Повторимся – кроме чисто научного (и добавим – чрезвычайно красивого) результата в виде карт современной динамики ландшафтов мы получаем «ключи» для управления и поддержания ландшафтов ООПТ в целевом состоянии. Очевидно, что характер и степень вмешательства в ландшафты ООПТ – болевая точка, своего рода линия фронта, разделяющая специалистов, полагающих, что «природа знает лучше», – и тех, кто считает, что на урбанизированных территориях без управления не обойтись. С нашей точки зрения, истина, как всегда, посередине: есть ландшафты, которые (особенно при возрастании рекреационного воздействия) нуждаются в активном вмешательстве, и есть такие, для которых консервационный режим (не делать ничего!) вполне оптимален. Но, разрабатывая план управления ландшафтами, мы должны знать – где первые, а где вторые, и по сути карты современных процессов в ландшафте эту функцию как раз и выполняют. Ведь если мы знаем, что на «перемычках» бывших торфяных выработок происходит «возрастание фитоценотического значения и/или запаса березы» – то мы действительно можем здесь положиться на природу, а вот «зарастание ивняками части прибрежных тростниковых зарослей», например, может оказаться нежелательным, если эти заросли являются местообитанием ценных околородных видов птиц. В этом смысле интересен и сопровождающий карты текст с описанием трендов, возникающих вследствие строительства дамб, продолжающегося функционирования даже брошенной дренажной сети и т. д.

Отлично дополняют описания фотографии типичных ландшафтов, растительных сообществ и отдельных видов растений и животных. Очерки фауны представляют собой не просто перечни «краснокишечных видов», но содержательные описания различных типов биотопов, что позволяет оценить их роль в «сети живой природы» и экологическом каркасе Санкт-Петербурга. Здесь также описаны важные тенденции изменения численности и встречаемости видов, обычности или редкости гнездования, численности особей на пролете и т. д.

Атлас выполнен на столь высоком профессиональном уровне, что не вызывает никаких замечаний, скорее – побуждает к размышлениям. ООПТ в городе и вокруг него – всегда в большей или меньшей степени объекты рекреационного использования. Авторы рассматривают рекреацию (точнее – усиление рекреации или снятие рекреационного воздействия) как один из факторов развития современных ландшафтов. Однако современная рекреация – чрезвычайно сложный феномен; рекреационное воздействие «эволюционирует», разветвляясь на множество видов и подвидов, каждый из которых претендует на свою «нишу» и оказывает особенное воздействие на ландшафт. Так, маунтбайкеры в Филевском лесопарке Москвы «накатали» на уникальных склонах оползневых террас своеобразные желоба, которые в период снеготаяния и во время ливневых дождей

играют роль тальвегов: в результате еще недавно стабильные склоны подвергаются весьма активной эрозии. Любители квадроциклов «уездили» поверхность Мневниковской поймы до такой степени, что создали там систему траншей и обширных «окон» обнаженного грунта на месте разнотравно-злаковых лугов. Примеры эти можно множить, но вывод очевиден: рекреация нуждается в регулировании, а ландшафты ООПТ – в «поддерживающем» управлении. В Москве эту задачу пытаются решить посредством зонирования, каковое назначается в ходе выполнения специальных проектов планировки ООПТ и, затем, в ходе разработки проектов лесоустройства. Зоны призваны «развести» разные виды рекреации с ареалами консервации и (такова реальность!) частичной застройки («не противоречайшей целям создания ООПТ»). Решение не идеальное, но, во всяком случае, сама попытка зонирования позволила осознать масштабы проблемы. В «Атласе ООПТ Санкт-Петербурга» эти аспекты не затронуты вовсе (возможно, им там и не место, ведь издание рассчитано на долгие годы пользования, а нагрузка на ООПТ – довольно быстро изменяющийся фактор), хотя самая общая оценка экологического состояния территорий, наверное, была бы полезной.

Подводя итоги, остается лишь позавидовать Санкт-Петербургу и его обитателям: город получил прекрасное издание, научное по содержанию, современное по использованным средствам и методам, но при этом вполне открытое для всякого любознательного читателя. Органы управления (Дирекция ООПТ и соответствующий департамент Правительства Санкт-Петербурга) могут вполне положиться на комплект карт Атласа при выработке любых управленческих решений, а также для целей текущего мониторинга и обустройства ООПТ. Проектировщики и архитекторы, возможно, взяв в руки Атлас, убедятся, наконец, что территория – не *tabula rasa*, а сложный «живой» объект, свойства которого нельзя не учитывать в любых градостроительных планах. Учителя города – географы, биологи, экологи (и историки!) стали обладателями прекрасного учебного пособия, которое будет им опорой при подготовке уроков по родному краю и составлении маршрутов экскурсий в природу, а сотрудники туристических фирм вполне могут попробовать свои силы в разработке экологических троп на ООПТ. Остается только надеяться, что пример, поданный петербургскими учеными, окажется «заразительным» для многих других городов России, которые еще сохраняют уникальные фрагменты природы в своих границах.

Е.Ю. Колбовский,
доктор географических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник географического факультета МГУ, Москва

